

Юган Н. Л.,

доктор філологічних наук, професор,
професор кафедри мирової літератури і російського мовознавства
Луганського національного університету імені Тараса Шевченка

ОБРАЗ НАРОДА В ОЧЕРКАХ И РАССКАЗАХ В. И. ДАЛЯ, Д. В. ГРИГОРОВИЧА И И. С. ТУРГЕНЕВА 1840-Х ГГ.

Аннотация. Статья посвящена исследованию образа народа в малых эпических жанрах В. И. Даля, Д. В. Григоровича и И. С. Тургенева 1840-х гг.

Ключевые слова: творческие связи, рассказ, очерк, легенда, жанровая трансформация.

Постановка проблемы. В произведениях о жизни социальных низов В.И. Даля 1840-х гг. мужик (крестьянин) и его крепостной быт показаны в физиологических очерках «Петербургский дворник» (1844), «Денщик» (1845), «Русский мужик» (1846), рассказах «Хмель, сон и явь» (1841), «Где найдёшь, не чаешь...» (1846), «Неправедно нажитое» (1848), «Ворожейка» (1848), «Нога» (1848), «Вор» (1848), «Искушение» (1848), «Говор» (1848), «Чудачество» (1848), этнографическом очерке «Авсень» (1848), преданиях «Сын» (1848), «Упырь» (1848), «Колдунья» (1848), «Заумаркина могила» (1848) и др. В данных произведениях автор показывает крепостного крестьянина – барщинного и оброчного – в деревне («Русский мужик», «Где найдёшь, не чаешь...», «Авсень» и др.), крестьянина, идущего на заработки и попадающего в непривычные для него условия городской жизни («Петербургский дворник», «Денщик», «Хмель, сон и явь» и др.). Подобные опыты В.И. Даля сопоставимы с произведениями Д.В. Григоровича и И.С. Тургенева. Отметим, что в разработке темы «крестьянин на заработках» дальевское новаторство в 1840-х гг. неоспоримо.

Тема «В.И. Даль и И.С. Тургенев» обозначена в литературоведении, но, на наш взгляд, до конца не раскрыта. О знакомстве В.И. Даля с И.С. Тургеневым и службе последнего в 1843–1845 гг. в Министерстве внутренних дел под руководством В.И. Даля писал Ю.Г. Оксман [1]. Сопоставление средних и малых эпических жанров в творчестве В.И. Даля, Д.В. Григоровича и И.С. Тургенева не проводилось.

Цель статьи – проанализировать образ народа в творчестве В.И. Даля, Д.В. Григоровича и И.С. Тургенева 1840-х гг., выявить сходства и отличия в художественных подходах к изображению крестьянства в средних и малых эпических жанрах данного периода.

Изложение основного материала исследования. Знакомство В.И. Даля и Д.В. Григоровича состоялось в 1848–1849 гг., после публикации в сборнике Н.А. Некрасова «Физиология Петербурга» очерков В.И. Даля «Петербургский дворник» и Д.В. Григоровича «Петербургские шарманщики». В 1846 г. В.И. Даль сочувственно отнёсся к молодому автору, предоставил ему свои фольклорные запасы и свой домашний кабинет для занятий [2, с. 425–426]. В.И. Даль ввёл Д.В. Григоровича в литературные круги. Так, он написал рекомендательное письмо в Москву к А.Ф. Вельтману (20 марта 1848 г.), с которым начинающий литератор, по его выражению, «сильно желает познакомиться» [3, с. 528]. О близких отношениях В.И. Даля с

Д.В. Григоровичем говорит письмо к М.А. Максимовичу от 12 ноября 1848 г., в котором Казак Луганский, активно занимающийся собиранием фольклора, сетует, что в Петербурге из интеллигенции мало кто сочувствует этому делу: «... кроме молодого писателя Григоровича» [4, с. 3].

Известно недатированное письмо В.И. Даля к Д.В. Григоровичу, в котором Казак Луганский даёт «дельные» советы автору. Из него ясно, что литератор просил у В.И. Даля подходящего сюжета для литературного произведения [5, л. 1]. Опытный «народный» писатель советует ему обратиться в архив Министерства внутренних дел, чтобы детально ознакомиться с обстоятельствами различных документально зафиксированных происшествий, и ничего не придумывать [5, л. 2–2об.]. Д.В. Григорович усвоил рекомендации уже известного автора. Вот как он рассказывал о творческой истории «Петербургских шарманщиков»: «Около двух недель бродил я по целым дням в трёх Подъяческих улицах, где преимущественно селились тогда шарманщики, вступал с ними в разговор, заходил в невозможные труппы, записывал потом до мелочи всё, о чём видел и о чём слышал» [6, с. 82].

В.Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» сближает произведения В.И. Даля («Небывалое в былом») и Д.В. Григоровича («Деревня»), считая, что они оба имеют между собой то общее свойство, что «интересны не как повести, а как мастерские физиологические очерки бытовой стороны жизни <...>» [7, с. 347]. Давая оценку повестям Д.В. Григоровича «Деревня» и «Антон Горемыка», В.Г. Белинский подчёркивал их зависимость от жанра «физиологии» и ставил в прямую связь с творчеством Казака Луганского, отмечая, что в таланте их автора «много аналогий с талантом г. Даля» [7, с. 347]. Н.А. Добролюбов в рецензии на повесть Д.В. Григоровича «Четыре времени года» (1849) сближает писателя и Казака Луганского [8, с. 403]. Подобные параллели проводят и современные литературоведы. Например, В.П. Мещеряков указывает: «Этнографические зарисовки, воспроизведение деталей быта, насыщенность фольклором сближает «Прохожего» (произведение Д.В. Григоровича. – Н. Ю.) с рассказами Даля» [6, с. 68].

Действительно, В.И. Даля и Д.В. Григоровича роднят интерес к народной жизни, этнографии и фольклору, стремление постичь тайну народного характера, критическое изображение чиновничье-бюрократической системы и пороков её представителей. Переключки между их художественными произведениями многочисленны.

Близость установкам В.И. Даля сказывается в обращении Д.В. Григоровича к жанру физиологического очерка, который занимает в дальевском творчестве данного периода важное место. Влияние этнографического очерка, фольклорно-этнографических исследований Д.В. Григоровичем тульского края на стиль его произведений проявляется в постоянно встречающихся «физиологизмах» и в многочисленных вставках в художественную

ткань очерковых описаний. Можно сказать, что без подобных вкраплений не обошлось ни одно творение писателя.

Опыт В.И. Даля, его кропотливое исследование народной среды, очерковая манера изложения материала были усвоены Д.В. Григоровичем. Повести «Деревня» и «Антон Горемыка» воспроизводят яркие черты крестьянского быта (например, супрядки в избе скотницы Домны), включают рассказы о нечистой силе (лешем, домовом), о появлении мертвецов, воспроизводят главные сцены крестьянской свадьбы (расплетение косы, приезд за невестой). Фольклор в рассказе является, прежде всего, частью той типичной бытовой обстановки, которая окружала Акулину и формировала её характер [9, с. 362]. Фольклорно-этнографический материал выступал у Д.В. Григоровича как важное средство изображения крестьянского быта: предание о кладоискателе («Пахатник и бархатник»), сцены «обсевания», сопровождаемые приговором «Уроди, боже, всякого хлеба» («Прохожий»), колядование с пением, гадание («Авсень») и т. п.

Воссозданию национального колорита у В.И. Даля и Д.В. Григоровича способствуют устное народное творчество и этнография. Казак Луганский насыщает очерки и рассказы 1840-х гг. описаниями бытового уклада местности, одежды, жилья, пищи и др. Д.В. Григорович описывает обстановку крестьянской избы со всей её утварью, трактир, рассказывает о «засидках» баб с пряжами и др.

Не случайно созданию «Деревни» (1846), «Антон Горемыки» (1847) и других крестьянских повестей предшествовала значительная работа Д.В. Григоровича по исследованию русской действительности, о чём свидетельствуют его записные книжки. Здесь есть зарисовки с натуры, описания различных типов поведения людей, записи собранных в Тульской губернии поверий. Как и большинство современников, Д.В. Григорович видит в фольклоре отражение народного быта и народных представлений о мире. В «Литературных воспоминаниях» он рассказывает о встречах в доме В.И. Даля с И.П. Сахаровым, известным собирателем русского фольклора, который при личном общении произвёл на молодого писателя впечатление «грузного», «молчаливого» человека, работы которого «оказались гораздо интереснее самого автора» [2, с. 427].

Как и у В.И. Даля (например, в очерке «Русский мужик»), у Д.В. Григоровича не допускается идеализация русских национальных нравов и обычаев. Д.В. Григорович указывает на неприглядные стороны народной жизни, которые он расценивает как следствие темноты и забитости крепостного крестьянина. Не случайно славянофилы, благосклонно принявшие повесть «Антон Горемыка» за незлобивость и кротость главного героя, критиковали «Деревню» (рец. Ю.Ф. Самарина в «Москвитяине»). – 1847. – № 2).

В творчестве и Казака Луганского, и Д.В. Григоровича важными становятся проблемы порчи народных нравов и разложения патриархального быта. Однако основной причиной данного процесса Д.В. Григорович считает не отхожие промыслы (как полагает В.И. Даль), а развитие в провинции фабричного производства. Муж Домны Карп несколько лет работает на миткалевой фабрике: «Разгульная фабричная жизнь сделала из него горького пьяницу и ещё больше расположила к буйству» [10, с. 103]. Фабрика окончательно испортила Григория, мужа Акулины, посеяв в его душе «расположение к ерофеичу».

По аналогии со многими рассказами В.И. Даля в рассказе Д.В. Григоровича «Прохожий» описания колядок, заговоров, гаданий, хороводов и пирушек занимают большую часть текста и,

по сравнению с сюжетным повествованием, являются пышной рамой, в которую вставлен маленький этюд. Здесь же упоминается праздник «авсень», описанию которого В.И. Даль посвятил одноимённый этнографический очерк.

Необходимо указать и на существенные отличия творчества В.И. Даля и Д.В. Григоровича.

«Народные» повести Д.В. Григоровича 1840-х гг. («Антон Горемыка» «Деревня») отличались от физиологического очерка и рассказа, которые написаны в этот период В.И. Далем, как объёмом включённого в них материала, так и широтой охвата действительности, значительно усложнившимся сюжетным построением и большей степенью обобщения жизненных явлений. Характеры персонажей раскрывались не столько через описание их поступков, сколько посредством психологического анализа, а действие не замыкалось в каком-то одном сословии. Характеристика героя в тексте не ограничивается воспроизведением признаков профессиональной или национально-этнографической среды, персонаж выступал в своих, только ему присущих индивидуально-психологических проявлениях. Образы Акулины («Деревня») и Антона («Антон Горемыка») выделяются из общей крестьянской среды не с целью её характеристики, как это было в физиологическом очерке, а с целью создания индивидуализированных художественных образов людей из социальных низов.

Жизнь крестьянина Д.В. Григорович рисует в трагических тонах. Характерной особенностью крепостной деревни писателю представлялась её социальная разобщённость, классовая обособленность. Сменяющие одна другую неприглядные картины обыденной жизни простого человека, вытекающие из условий его бытия, составляют основное драматическое содержание повести «Антон Горемыка». Века рабства превратили народ в тупую, бесчувственную силу, не способную к состраданию массе. Подчёркивая исключительность Акулины («Деревня»), противопоставляя её окружающей крестьянской массе, писатель делает попытку увидеть личность в забитой крепостной неволей женщине. Таким образом, повести Д.В. Григоровича «Деревня» и «Антон Горемыка» знаменовали собой серьёзные сдвиги в художественных принципах и практике «натуральной школы».

Следует отметить влияние на Д.В. Григоровича широко распространённых в 1840-е гг. социально-утопических теорий, проповедовавших сочувствие к униженным в духе общего благоденствия и классового мира, определивших сентиментальное отношение к «маленькому человеку» в творчестве художника слова. Не случайно И.С. Тургенев в «Литературных и житейских воспоминаниях» (1869), анализируя «Деревню», говорил о её недостатках, сказавшихся в «несколько изысканном – не без сентиментальности, языке» [11, II, с. 30]. В.И. Даль же стремился всегда объективно и без тени сентиментальности оценить положительные и отрицательные качества русского человека.

Своё положительное отношение к «народному» автору И.С. Тургенев выразил в рецензии на повести и рассказы Казака Луганского (Отч. зап. – 1847. – № 1), написанной под влиянием отзывов авторитетного для молодого литератора В.Г. Белинского. Рецензию И.С. Тургенев создавал во время работы над первыми очерками из «Записок охотника». В.И. Даль и И.С. Тургенев вырабатывают художественные подходы к отображению народной жизни [11, I, с. 277].

В советском литературоведении наметилась устойчивая тенденция отрицать воздействие произведений В.И. Даля о народе на «Записки охотника» И.С. Тургенева [12, с. 6–7]. Однако при

рассмотрении этого вопроса не должно быть излишней категоричности.

Безусловно, рассказы Казака Луганского и повести Д.В. Григоровича о деревне значительно стимулировали интерес И.С. Тургенева к крестьянской проблематике, определивший появление его первых очерков и рассказов из «Записок охотника». Недаром в литературной среде XIX в. встречались опровержения приоритета И.С. Тургенева в изображении народа и народной жизни в литературе 1840-х гг. (например, точка зрения В.А. Панаева [13, с. 231]).

Влияние Казака Луганского на И.С. Тургенева впервые отметил В.Г. Белинский. Прочитав первый рассказ из «Записок охотника» – «Хорь и Калиныч», в письме к писателю от 19 февраля 1847 г. критик замечал: «<...> у вас чисто творческого таланта нет, или очень мало, и ваш талант однороден с талантом Даля» [7, с. 347]. В 1918 г. А.Е. Грузинский обратил внимание на связь «Записок охотника» с жанром физиологического очерка, в котором продуктивно работал В.И. Даль в 1840-х гг.: «Вся суть очерка («Хорь и Калиныч» – Н. Ю.) в характеристиках, ведущих почти исключительно путём авторских описаний; <...> эти особенности ставят первую попытку Тургенева в близкую связь с физиологическим очерком того времени» [14, с. 62].

Вместе с тем при рассмотрении влияния В.И. Даля на И.С. Тургенева нужно сделать существенную оговорку. Всё то, что И.С. Тургенев воплотил в образах русских крепостных крестьян – их высокие нравственные качества, способность любить, сострадать, тонко чувствовать природу и др., – В.И. Даль показал в своих героях из народа в рассказах и повестях из инонационального быта («этнографических» повестях «Цыганка», «Болгарка», «Бикей и Мауляна», «Майна» и др.). Он продемонстрировал в этих произведениях внимание к обездоленному человеку, показал сложность общественного и социального положения демократического героя, его борьбу за свою независимость, большую любовь персонажей низкого социального происхождения и др. О том, что И.С. Тургенев знал рассказы Казака Луганского 1830-х гг. об Украине, Молдавии, Болгарии, оренбургской степи, свидетельствует его рецензия 1846 г. [11, I, с. 279–280]. В 1830-х гг. В.И. Даль привносит в русскую литературу этнографизм, фольклоризм, сказ, разрабатывает способы введения в художественное произведение разговорных и просторечных слов и выражений, стремится к реалистическому изображению народной жизни. И.С. Тургенев разрабатывает все эти проблемы и воплощает художественные принципы по отношению именно к русскому крестьянству. Его творчество периода «Записок охотника» обогащается наработками «натуральной школы», в частности И.С. Тургенев усваивает опыт физиологического очерка того же В.И. Даля.

Близость творческих исканий В.И. Даля и И.С. Тургенева связана со стремлением писателей глубоко постичь характер народа, с этнографизмом, использованием фольклора, введением в художественное произведение элементов сказа, просторечья и диалектизмов.

И Казак Луганский, и И.С. Тургенев в своём творчестве объективно изображают российское крестьянство, показывают его достоинства и недостатки. Глубокое раскрытие в «Записках охотника» лучших человеческих качеств народа определялось пристальным вниманием И.С. Тургенева к народной поэтической культуре, его серьёзным изучением быта, нравов и обычаев крестьянской среды [15]. Но И.С. Тургенев во многом

оригинально для литературы данного периода трактует народный характер. Он не только с сочувствием, но и с гордостью смотрит на простого человека, не растерявшего в условиях крепостного произвола душевной щедрости, не утратившего ясности ума и природного таланта. Оценивая жизненные явления с народной точки зрения, писатель указывает на порочность крепостнических отношений, тормозящих развитие России. Как о вопиющем нарушении общественной справедливости говорит И.С. Тургенев о крайне бедственном положении народа, которого по барскому произволу лишали права на личное счастье («Ермолай и мельничиха»), истязали («Бурмистр», «Два помещика»), помыкали им, как хотели («Льгов»). Барская «опека» доводила мужика до разорения и отчаянья, а иногда и до полного обезличивания.

Крестьян, которые вынуждены идти на заработки из деревни, чтобы прокормить свою семью, В.И. Даль показывает, например, в таких произведениях 1840-х гг., как «Хмель, сон и явь», «Петербургский дворник». О тяжёлом социальном и имущественном положении крестьянина писатель говорит в рассказах «Грех», «Светлый праздник» и др., губящий судьбы крестьян административно-чиновничий аппарат изображает в рассказах «Ваша воля, наша доля», «Лимоны, сапог и солдатская шапка» и т. п. В свою очередь, И.С. Тургенев, показав в «охотничьих рассказах» прекрасную душу крепостного народа, его богатый внутренний мир, оказал значительное влияние на далевское творчество 1850 – начала 1860-х гг., в котором писатель создал образы людей из социальных низов общества, обладающих такими качествами («Крестьянка», «Петруша с Параней», «Прадедовские ветлы» и др.).

В своей народной книге о крепостной России И.С. Тургенев в духе Казака Луганского рассказывает о природных и социально-бытовых условиях жизни крестьянства, о состоянии хозяйства барина и мужика, о нравах и обычаях центральных губерний России. Точное указание места действия, подчёркивающее связь рассказов И.С. Тургенева с физиологическим очерком «натуральной школы», придаёт повествованию убедительность и жизненную достоверность. В «Хоре и Калиныче» действие происходит в Жиздринском уезде Калужской губернии, в «Бежине луге» – в Чернском уезде Тульской губернии, в «Малиновой воде» – на берегу реки Исты и т. д.

Народность цикла, его высокие художественные достоинства в значительной степени определяются широким использованием писателем устного поэтического творчества. Через фольклор И.С. Тургенев раскрывает народное миропонимание, особенности жизненного уклада своих героев. В рассказах И.С. Тургенева устное народное творчество, отражая народный взгляд на жизнь, нередко выполняет важную композиционную роль. Из всех жанров фольклора наиболее характерна для «Записок охотника» песня, которая сопровождает жизнь крестьянина, выражает его радость и горе, душевную щедрость и лихую удаль («Певцы»). Показу народных стремлений и мировоззренческих представлений в тургеневском цикле служат и такие жанры народной словесности, как рассказы о разбойниках, предания и были, записанные писателем из уст народа («Бежин луг»).

Если этнографизм, фольклоризм и стилистика произведений В.И. Даля и И.С. Тургенева имеют значительное сходство, то в жанровом отношении наблюдаются существенные различия.

Уже в первых произведениях цикла И.С. Тургенев резко меняет поэтику жанра физиологического очерка, что можно уви-

дет в «Хоре и Калиныче». Начиная свой рассказ с точного обозначения места действия (на границе Орловской и Калужской губерний), как это делали авторы «физиологий», он явно сближается на этом пути и с Казаком Луганским. Как и впоследствии В.И. Даль (рассказ «Ворожейка» (1848)), И.С. Тургенев сразу же занимает определённую общественную позицию, противопоставляя барщинному орловскому мужику уверенного в себе калужского оброчного крестьянина. По аналогии с физиологическим очерком в «Хоре и Калиныче» И.С. Тургенев передаёт статику бытия героев, описывает устоявшийся русский патриархальный быт в семье Хоря и в то же время смело перешагивает границы жанра. Перед нами не просто мужики конкретно Калужской и Орловской губерний, а разные типы русских крестьян с их нравственно-психологическими особенностями. Писатель делает попытку создания художественных образов, а для этого было необходимо усложнить «физиологию». Преодоление «физиологизма» проявляется и в некоторой этнографической неточности, присущей отдельным очеркам и рассказам [16, с. 279]. Далеко за рамки «физиологий» выходят образы мальчиков из «Бежина луга», Якова Туркова из рассказа «Певцы» и др.

Отмечая сходство художественного подхода к изображению крестьянства автора «Записок охотника» и писателей «школы Даля», П.В. Анненков в то же время видел у И.С. Тургенева серьёзные отступления от требований, предъявляемых к литературе так называемой «этнографической школы». В одном из писем в январе 1853 г. он писал И.С. Тургеневу по поводу его повести «Постоялый двор»: «Этот род произведений требует истины уже как бы математической. Школа Даля и ученика его Мельникова поняла это очень хорошо, но Вы, кажется, это упустили из вида и думаете обходиться с такими анекдотами в полной свободе творчества, но этого нельзя уже по существу делать» [17, с. 481–482].

Преодоление «физиологизма» при изображении народа определили новаторский характер «охотничьих рассказов» И.С. Тургенева и их жанровое разнообразие. Коренным отличием прозы И.С. Тургенева от прозы В.И. Даля в 1840-х гг. является тургеневское перерастание жанра физиологического очерка, в котором продуктивно работал Казак Луганский в данный период. И.С. Тургенев создаёт синтетический жанр, характеризующийся диффузией этнографического очерка и рассказа. В нём обнажение противоречий современного ему общества соединяется с глубокой психологической разработкой характеров и поэтическим изображением внутреннего мира героев-крестьян.

Выводы. Работа В.И. Даля в малых эпических жанрах на протяжении 1840-х гг. весьма разнообразна. Это физиологический и этнографический очерки, реалистический рассказ в различных жанровых разновидностях, легенда, предание и др. Иногда жанровые диффузии в произведениях автора оригинальны, что свидетельствует о специфике таланта В.И. Даля – писателя, поэта, общественного деятеля, фольклориста, собирателя фольклора, этнографа и т. д.

Далевские произведения малых эпических жанров находятся в многообразных диалогах с литературой современности. Далевские физиологические очерки, рассказы, легенды, предания о народной жизни соприкасаются с произведениями 1840-х гг. Д.В. Григоровича и И.С. Тургенева: опыт В.И. Даля послужил отправной точкой для дальнейшей трансформации жанра «физиологий» и рассказа в их творчестве.

Перспективой исследования является анализ средних и малых жанров в творчестве В.И. Даля 1850–1860-х гг.

Литература:

1. Оксман Ю.Г. И.С. Тургенев на службе в министерстве внутренних дел / Ю.Г. Оксман // Саратовск. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Уч. зап. – Саратов : Саратовск. кн. изд-во, 1957. – Т. LVI. – Вып. : Филология. – С. 172–183.
2. Григорович Д.В. Знакомство с В.И. Далем (Луганским) / Д.В. Григорович // Даль В.И. Картины из русского быта / В.И. Даль. – М. : Новый Ключ, 2002. – С. 425–427.
3. Переписка В.И. Даля с А.Ф. Вельтманом / публ. Ю.М. Акутина // Изв. АН СССР. Сер. «Лит. и яз.». – М., 1976. – Т. 35. – № 6. – С. 527–532.
4. Даль В.И. Два письма к М.А. Максимовичу, 12 нояб. 1848 г., 10 февр. 1850 г. / В.И. Даль // Рус. филол. вестник. – 1907. – Т. 58. – № 4. – С. 354–361.
5. Даль В.И. Письмо к Григоровичу Д. В. Б. д. / В.И. Даль // РГАЛИ. – Ф. 179. – Оп. 1. – Ед. хр. 26. – 4 л.
6. Мещеряков В.П. Д.В. Григорович – писатель и искусствовед / В.П. Мещеряков. – Л. : Наука, 1985. – 173 с.
7. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. / В.Г. Белинский ; АН СССР ; ИРЛИ (Пушкинский Дом). – М. : Изд-во АН СССР, 1953–1959. – Т. 10. – 1957.
8. Добролюбов Н.А. Собр. соч. : в 9 т. / Н.А. Добролюбов ; под общ. ред. Б.И. Бурсова, А.И. Груздева и др. – М. ; Л. : ГИХЛ, 1963–1964. – Т. 8. – 1964.
9. Кийко Е.И. Сюжеты и герои повести натуральной школы / Е.И. Кийко // Рус. повесть XIX в. История и проблематика жанра. – Л. : Наука, 1973. – С. 259–336.
10. Григорович Д.В. Полн. собр. соч. : в 12 т. / Д.В. Григорович. – СПб. : Изд-во А.Ф. Маркса, 1896. – Т. 1. – (Прилож. к журн. «Нива» на 1896 г.).
11. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 12 т. / И.С. Тургенев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : «Наука», 1978. – Т. I–III. – 1978.
12. Ковалёв В.А. «Записки охотника» И.С. Тургенева. Вопросы генезиса / В.А. Ковалёв. – Л. : Наука. Ленингр. отд., 1980. – 134 с.
13. Панаев В.А. Из «воспоминаний» / В.А. Панаев // Григорович Д.В. Литературные воспоминания. – М. : Худож. лит., 1987. – С. 147–270.
14. Грузинский А.Е. И.С. Тургенев (Личность и творчество) / А.Е. Грузинский. – М., 1918. – 215 с.
15. Азадовский М.К. Статьи о литературе и фольклоре / М.К. Азадовский. – М. : Гослитиздат, 1960. – 547 с.
16. Манн Ю.В. Утверждение критического реализма. Натуральная школа / Ю.В. Манн // Развитие реализма в русской литературе. – М. : Наука, 1972. – Т. 1. – 1973. – С. 234–291.
17. Переписка И.С. Тургенева : в 2 т. – М. : Худож. лит., 1986. – Т. 1. – 1986. – 607 с.

Юган Н. Л. Образ народу в картинах и повестях В. И. Даля, Д. В. Григоровича и И. С. Тургенева 1840-х гг.

Анотація. Стаття присвячена дослідженню образу народу в малих епічних жанрах В. І. Даля, Д. В. Григоровича й І. С. Тургенєва 1840-х рр.

Ключові слова: творчі зв'язки, оповідання, нарис, легенда, жанрова трансформація.

Yugan N. The nation image of people in V. Dahl, D. Grigorovich and I. Turgenev essays and short stories in 1840 s'

Summary. The article investigates the nation image in a small epic genres of Dahl, Grigorovich and Turgenev in 1840 s'.

Key words: creative communications, short stories, essays, legend, genre transformation.